

2207 «ИСКУССТВЕННО-ПРАВДОПОДОБНОЕ» ПОСОБИЕ

ЧЕРЕЗ два года будет отмечаться столетие со дня рождения Ярослава Гашека, замечательного чешского сатирика. Его творчество прочно вошло в нашу литературу, а он сам — в историю нашей страны как участник Великой Октябрьской революции. Можно было предположить, что издательство «Просвещение» решило помочь учителям подготовиться к предстоящему юбилею, выпустив пособие для учителей Н. Еланского о Ярославе Гашеке*. Но увы! Уже с первых фраз издания ясно, что помощи учителям оно не окажет.

Всю сложность творческой манеры Гашека, своеобразие его видения мира, поразительную действенность его сатиры Н. Еланский определяет одним, по меньшей мере странно звучащим термином — «искусственно-правдоподобная наивность». Автор разъясняет: «Искусственно-правдоподобная наивность» (как главный литературный прием) в творчестве писателя проявляется в различных формах комической обрис-

* Н. Еланский «Ярослав Гашек. Пособие для учителей». Издательство «Просвещение», 1980 г.

совки образов. Гашек выводит самого себя в качестве главного персонажа ряда рассказов, написанных иногда от первого лица, при этом изображаются различные смешные злоключения героя — следствие его «наивности»... Кроме персонафицированного проявления авторской наивности, такая же наивность выражается непосредственно в авторской речи рассказов, рисующих события, в которых Гашек не участвует»...

Таково «теоретическое» положение, расшифровывающее новый «литературоведческий» термин. Правда, разобраться в этой расшифровке более чем затруднительно, зато она великомерно характеризует теоретический уровень всего «учебного пособия» в целом.

Ничего не сказав по сути о творческом пути Гашека, Н. Еланский преимущественно говорит о всевозможных влияниях, иногда прямо, противоположных: М. Твена и Г. Уэллса, Г. Манна и М. Горького, импрессионистов и экспрессионистов, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Мопассана и др. При этом автор не слишком утруждает себя доказательствами.

Вот лишь одно-единственное: «Воздействие на творчество Гашека тех или других литературных факторов проявилось главным образом через различные формальные компоненты: сюжеты, образы, изобразительные средства и т. д. Так, например, ряд ранних рассказов, лишенных комизма, по тематике и тону дают основание предполагать, что в них сказалось влияние Мопассана на чешского сатирика. Однако при освоении литературного опыта других писателей Гашек сохраняет доминирующее положение собственных художественных свойств».

Предоставляем читателю судить: служит ли это «разъяснение» доказательством влияния на Гашека Мопассана или кого бы то ни было другого корифея художественного слова. Теоретическая наивность автора приводит к тому, что не только общая оценка творчества Гашека, но даже конкретный анализ отдельных рассказов выглядит пародией. Вот пример «анализа» бессмертных «Похождений braveго солдата Швейка»: «Роман пронизан иронией, придающей ему неповторимый характер. Особенно ироничны искусно подобранные

эпитеты. Вот некоторые примеры. После того, как Швейк выкрикнул на улице: «Да здравствует император Франц-Иосиф! Мы победили!», кто-то из воодушевленной толпы одним ударом нахлобучил ему котелок на уши...» (1).

Рассматриваемое «учебное пособие» поражает и неосведомленностью автора в биографии писателя. Например, о причинах ухода Гашека из журнала «Мир животных» автор сообщает: «Но в 1911 году Гашеку надоели и «Мир животных» и Фукс» (издатель журнала — С. В.). Но здесь все поставлено с ног на голову. Гашека уволил издатель, недовольный тем направлением, какое писатель придал журналу.

Еще более странно звучит утверждение, что Гашек «приобрел в полиции репутацию глуповатого и вздорного скандалиста» и «добился снисходительного отношения к более серьезным проступкам». Так мог написать человек, не сумевший разобраться ни в характере Гашека, ни в его биографии. Гашек находился под негласным надзором полиции. Конфликтов со стражами закона у него было более чем достаточно. Но

на допросах он умел отвечать так остроумно и ловко, что придаться к нему и применить какие-либо меры было трудно. Кроме того, пражская полиция побаивалась его остро пера. Но уж «глуповатым» его никто не считал и не мог считать.

Неточно, а иногда просто неверно излагает автор идею рассказов писателя. В рассказе «Детванцы», по его мнению, «отражено восхищение образом героического мятежника». Но там как раз все наоборот: Гашек смеется над духовным измелчением потомков бывших народных героев. В рассказе «Нет больше романтики в Гомере» Гашек, якобы «высмеивает... ложную романтизацию». На самом деле если что и «высмеивает» здесь писатель, так это как раз отсутствие у выведенных персонажей всякой поэзии и романтики, их мелочный практицизм. В рассказе «В заброшенной убогой» автор усмотрел «ядовитую насмешку над эстетизацией милитаризма». Где она там притаилась, уловить невозможно.

Неправильно названо и подавляющее большинство рассказов. Иногда это приводит к

совершенно неверному представлению о содержании произведения. Так, рассказ «Идиллия винного погребка» (то есть кабачка) автор назвал «Идиллия винного погребка», рассказ «Мирная конференция» — «Мировая конференция», а ранний сборник иронических стихов «Майские выкрики» приобрел лирически окрашенное наименование «Майские зори» и т. д.

Чуть ли не на каждой странице, то неверное название рассказа, то безграмотный перевод, то грубые ошибки в именах героев, названиях местностей, то типографские опечатки в массовом количестве (редактор — С. Г. Безрукова). В итоге вместо учебного пособия в свет выпущено (тиражом в 194 тыс. экземпляров), используя терминологию автора, нечто «искусственно-правдоподобное». Учителя и учащиеся, право же, не заслужили этого. Да и сам Гашек мог бы рассчитывать на более бережное отношение к себе, хотя бы накануне 100-летнего юбилея.

С. ВОСТОКОВА,
кандидат филологических наук, председатель Общества друзей Ярослава Гашека.

- 2 ИЮЛ 1981

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА